

ЕКАТЕРИНА ЛЯМИНА

«...СЕЛ ...ГЛЯДЕЛ»: КТО ОН?

Траектория попадания строки из «исторического памятника» — письма Александра I к Н.М. Карамзину от 10 ноября 1824 года — в поэму «Медный всадник», намеченная в одной классической работе [Вацуро: 168], была затем уточнена в другой [Осват: 127–128]. Для лежащего в близкой плоскости вопроса об апроприации упомянутого фрагмента художественным текстом было бы небесполезно очертить как ситуативную рамку, так и многослойную речевую и эмоциональную атмосферу, где обращалась реплика государя, им самим и зафиксированная.

В ряду свидетельств о катастрофе 7 ноября и реакциях Александра I на происходившее выделяется репортаж, который почти в режиме *on line* велся из городской резиденции императора. Он дает представление о душевном состоянии тех, кто, пребывая «посреди ужаснейшего бедствия» вне опасности, тем живее ощущал, сколь незавидна участь других.

[Н]е знаю даже, уйдет ли завтра мое письмо, поскольку мы в Зимнем дворце точно на корабле. В считанные часы Нева разлилась поверх всех преград; трудно заподозрить, что есть набережная, парапет; огромные волны разбиваются о стены дворца <...>. Отрезанными, лишенными всякой связи с миром мы останемся до завтрашнего дня. Зрелище сие страшит гибельностью, в нем воплощенной; хуже пожара, ведь тут ничем не поможешь, —

писала императрица Елизавета Алексеевна в половине третьего пополудни, на пике наводнения¹.

Вряд ли мы ошибемся, предположив, что большую часть этого дня — во всяком случае, те семь с небольшим часов светлого времени, в которые уложилась катастрофа², — Александр I провел переходя из одной части Зимнего в другую. Внутрдворцовые визиты и посещения, так называемые «*tournées de famille*» [Николай Михайлович: 321], как можно судить хотя бы по камер-фурьерским журналам, составляли рамку

повседневного

«...СЕЛ ...ГЛЯДЕЛ»: КТО ОН?

повседневного бытия царствующей фамилии, а на тот момент резиденция (нечастый случай) была разве что не переполнена родственниками государя.

За несколько дней до 7 ноября завершили летний сезон (в Гатчине и Царском Селе соответственно) вдовствующая императрица и великая княгиня Елена Павловна. Вместе с ними в город перебрались гости: герцогиня Саксен-Веймарская Мария Павловна с дочерьми, принцесса Оранская Анна Павловна, ее супруг, наследный принц Вильгельм, и их дети (см., например: [Карамзин 1866: 383], [Wassenaer: 53])³. С новостями и наблюдениями Александр должен был неоднократно заходить и к жене. После возвращения в столицу в конце октября она не покидала своих покоев по нездоровью, так что ей были доступны не все точки обзора⁴.

Наблюдение же *volens nolens* оказалось для хозяев Зимнего основным занятием. Детали постоянно меняющейся ситуации — как за окнами, так и внутри⁵ — были и полем проявления эмоций, и предметом оживленного и многократного обсуждения. Здесь явно должны были возникать и отшлифовываться формулировки, ряд которых был обречен на выход за пределы дворца, на более широкое бытование, и не только городское.

Елизавета Алексеевна, тонко распознававшая нюансы настроения и поведения государя, в цитированном письме упоминает лишь об одной его попытке что-то предпринять непосредственно во время катастрофы. Наблюдая за Невою, покрытой потерявшими управление судами, в том числе санными барками с людьми, «император выслал большую шлюпку, которая всегда стоит на приколе перед дворцом: я умирала от страха, как бы он, движимый благородным порывом человеколюбия, не решил сам в нее взойти. Слава Богу, он этого не сделал, но, увидев его шлюпку, те, кто не отважился рискнуть, тоже зашевелились»⁶. Об эмоциях Александра она в эти часы не сообщает, касаясь их только в следующем письме (от 11 ноября), после рассказа о его поездках в наиболее пострадавшие части города: «L'Empereur en est extrêmement affecté, comme de raison, et a passé tous ces jours ici, à remédier à tout ce à quoi on peut remédier. Mais la vie ne peut pas être rendu à ceux qui ont péri, et voilà ce qu'il y a de plus affligeant!» [Николай Михайлович: 318]⁷.

Через день, 13 ноября, в Зимнем дворце появился великий князь Николай, накануне возвратившийся из Берлина. События дня, на протяжении которого император беседовал с ним как минимум трижды, он (по обыкновению, перед сном) занес в свой журнал:

Levé à 8 <...> chez l'Ange, attendu, me reçois en chemise, causé, très affligé du désastre, détails horribles, 400 personnes périés, dégats terribles, l'eau sur la place et dans les rues de deux archines et demi en tout 11 pieds au dessus du niveau ordinaire <...> repartit chez

l'Ange, m'ordonne de revenir plus tard <...> repartit chez l'Ange, attendu, entré, causé assis, remis la lettre du Roi, affaire de Guill., etc. L'Ange comme toujours, repartit chez l'Imp<ératrice>, malade, touse, fièvre, causé, Hélène, très ronde, repartit, chez ma Mère, l'Ange arrive <...> diné à deux avec l'Ange, beaucoup causé [Николай: 70–70 об.]⁸.

Свойственная дневникам великого князя лапидарность не скрадывает сложности обрисованной картины. Выделим несколько моментов. Во-первых, Александр, вполне естественно, сразу заговаривает о наводнении (во второй беседе рядом с этой темой появляются и другие, в частности пребывание великого князя в Пруссии и некоторые события при тамошнем дворе). Во-вторых, в законспектированном рассказе императора о катастрофе перед нами почти исключительно цифры и факты, ламентационный же слой проявлен скупо. В-третьих, Николаю бросается в глаза, что государь сильно расстроен и озабочен — и в этом же ключе, вероятно, можно интерпретировать две детали, выделяющиеся на фоне остального корпуса дневника: Александр принимает брата не в мундире, а камерно, в рубашке (хотя не исключено, что в связи с ранним часом) и проявляет несвойственную ему резкость («приказал... зайти позже»).

Параллельно с устным обсуждением событий шла письменная разработка формул их освещения. Утром 8 ноября император получил письмо, предложившее ему аспект и тон осмысления трагедии и наметившее конкретику дальнейших действий:

Я не мог спать всю ночь, зная ваше душевное расположение, а потому и уверен сам в себе, сколь много Ваше Величество страдаете теперь о вчерашнем несчастье. Но Бог, конечно, иногда посылает подобные несчастья и для того, чтобы избранные его могли еще более показать страдательное свое попечение к несчастным. Ваше Величество, конечно, употребите оное в настоящее действие. Для сего надобны деньги, и деньги неотлагательные, для подаяния помощи беднейшим, а не богатым [Шильдер: 324].

Далее автор письма (им был Аракчеев) предлагал пустить на эти цели капитал в один миллион рублей, скопившийся на счетах подведомственных ему военных поселений.

Ход был выверен и стилистически⁹, и прагматически. Свидетельством тому — ответное письмо, где облегчение сложным образом переплетено со скорбью:

Мы совершенно сошлись мыслями, любезный Алексей Андреевич! А твое письмо несказанно меня утешило, ибо нельзя мне не сокрушаться душевно о вчерашнем несчастье, особливо же о погибших и оплакивающих их родных. Завтра побывай у меня, дабы все устроить [Шильдер: 325].

В последующие дни

«... СЕЛ ... ГЛЯДЕЛ»: КТО ОН?

В последующие дни эти ремарки, разветвляясь, складываются под пером Александра в текст отчетливо резиньяционного звучания. При этом его контуры обрисовываются как в получастной записке Карамзину от 10 ноября:

Вы знаете уже о печальных происшествиях 7-го ноября! Погибших много, несчастных и страдающих еще более! Мой долг быть на месте: всякое удаление причту себе в вину. Вам не трудно представить себе грусть мою. Воля Божия: нам остается преклонить главу пред Нею» [Карамзин 1866: 386]¹⁰,

так и в рескрипте князю А.Б. Куракину, председателю учрежденного 11 ноября Комитета о пособии разоренным наводнением в Санкт-Петербурге:

Бедствие, постигшее С.-Петербург в 7-й день сего ноября, внезапным и необыкновенным наводнением, исполнило сердце мое горестными чувствами¹¹. Судьбы Всевышнего праведны и неисповедимы. В глубокой покорности воле Божией и скорбя о всех, потерпевших убытки и расстройство, правительство не может вознаградить все траты сего бедственного дня, но доставление скорой и существенной помощи наиболее разоренным и неимущим я вмещаю себе в священный долг: они имеют ближайшее право на отеческое мое попечение [Шильдер: 481].

Эти (и другие, до нас не дошедшие) варианты высказываний Александра I о катастрофе несколько недель, так сказать, висели в атмосфере петербургских салонов, во многом определяя ее интонационное и эмоциональное наполнение. Обсуждались они, надо думать, и в доме Лавалей, чьи интенсивные интеллектуальные и дружеские контакты с Карамзиным, установившиеся после его переезда в Петербург, хорошо известны; см.: [Карамзин 1866: 383, 393, 412], [Вайнштейн, Павлова: 167–168], [Сперанская: 96–97]. И хозяева салона, и его посетители наверняка обладали собственными сведениями о реакциях императора как очевидца бедствия. И все же их патентованным транслятором и комментатором в этом кругу будет справедливо считать Карамзина, который беседовал с государем на интересующую нас тему, в частности 23 ноября: «Благодетельный Царь наш думает только об утешении несчастных, разоренных наводнением, и не хотел даже говорить мне о своей ноге: я встретился с ним в комнатах у Императрицы» [Карамзин 1866: 384].

Ужасы потопа в комментариях такого рода трактовались как очередное звено в цепи испытаний, которые выпали Александру I в тот год: рожистое воспаление на ноге, чудом не кончившееся фатально (зима–весна); смерть дочери (июнь); неясной этиологии нездоровье императрицы («общая простуда», «докушливый кашель», упадок сил), обострившееся в октябре и особенно тревожное на фоне оставленных

наводнением, в том числе во дворце, сырости и холода¹². Помимо прочего, эта болезнь в мрачном свете рисовала перспективы сближения, наконец наметившегося между супругами [Карамзин 1866: 385–386].

Салонные толки, как зеркало, отражали изменения, которые терпел публичный образ императора. С одной стороны, граница между его частной жизнью и государственным бытием все больше размывалась, а сам облик — все больше интимизировался (восприятие «личных печалей» царя [Шильдер: 311; письмо к Аракчееву от 14 июня 1824 года] и петербургской трагедии в одном ряду весьма характерно). С другой — шла прижизненная эмблематизация фигуры Александра в пиетистски-романтических формулах, ему самому прекрасно известных и привычных.

В качестве одного из свидетельств этого сложного процесса приведем выдержку из частного письма австрийского посланника Людвига Лебцельтерна к канцлеру Меттерниху от 3/15 декабря. Сообщив адресату новости о самочувствии Елизаветы Алексеевны, в целом малоутешительные, он далее касается поведения императора в обстоятельствах, которые не сулили просвета и в будущем:

Prions le Ciel avec ferveur, Mon Prince, pour qu'il ne mette point les hautes vertus et la pieuse résignation de l'Empereur à de nouvelles épreuves. Il n'en a déjà subi que de trop cruelles dans le courant de cette année, et il y a opposé la force d'âme et d'admirable constance que peuvent uniquement inspirer la pureté de conscience et une religieuse soumission aux décrets inscrutables de Providence [Лебцельтерн: 174-175]¹³.

Лебцельтерн, зять Лавалей и частый гость их салона, сам был очевидцем наводнения¹⁴. Здесь, однако, он размышляет уже не о катастрофе как таковой. Его суждение практически неотлично от пассажа из массовой душеполезной литературы. Втянутая сюда реплика, которой Александр в свое время отозвался на трагедию, утратила не только характеристики прямой речи, эмоциональную окраску и привязку к конкретному событию. Перед нами всецело и образцово христианское, т.е. по определению связанное только с личным бытием, восприятие ударов судьбы.

Окончательную полировку — как в переносном, так и в прямом смысле — этот облик великого в своем *человеческом* смирении *царя* получил в годы, предшествовавшие открытию на Дворцовой площади Александровской колонны. Академик Б.И. Орловский, который при жизни императора создал несколько его скульптурных изображений, уже в сентябре 1830 года начал работу над фигурой ангела для вершины монумента. Прежде чем были удовлетворены все пожелания Николая I, императорской фамилии и специальной комиссии, скульптор выполнил четырнадцать моделей различной величины. Итоговый вариант пересмысляет расхожее (тиражировавшееся в том числе и в надгробных композициях)

«...СЕЛ ...ГЛЯДЕЛ»: КТО ОН?

композициях) романтическое клише. Огромный (высота фигуры 6,4 м) бронзовый ангел на стоящей неколебимо¹⁵ триумфальной колонне, символизирующей Россию, все же изображен со скорбно опущенной (угол наклона — не менее 40°) головой. Наделенный портретным сходством с покойным государем, он прочитывается как художественная проекция «позднего» Александра — а наводнение 1824 года уже приобрело статус одного из ключевых и символических эпизодов второй половины его царствования. Можно предположить, что развернутый лицом к Неве «вечный сияющий» ангел [Жуковский: 65] оказывался едва ли не ультимативной визуальной параллелью к вполне достоверному исторически образу императора, печально и беспомощно взиравшего на разъяренную реку из дворца.

Не исключено, что автор «Медного всадника» слышал какие-то рассказы о ноябрьском бедствии и тогдашних толках вокруг него — в ряду прочих устных свидетельств — также и от старших Лавалей и/или их дочери Зинаиды (в замужестве Лебцельтерн), которая приезжала в Россию летом 1832 года и в середине августа виделась с поэтом на вечере у Д.Ф. Фикельмон [Тархова: 468]. Прямых свидетельств об этом, впрочем, нет. Знакомство Пушкина с рескриптом Куракину¹⁶ более вероятно, хотя и не может быть доказано безоговорочно. С другой стороны, в июле того же 1832 года, когда работа над скульптурой для будущей колонны шла полным ходом, он принимал у себя в доме Орловского и двух других академиков: им было поручено освидетельствовать бронзовую статую Екатерины II, перевезенную в столицу из калужского имения Гончаровых, и сформулировать заключение относительно ее художественных достоинств [Пушкин 1935: 503–504]. Разговор мог коснуться и других монументов, в частности того, что создавался по высочайшему заказу и, скорее всего, был в этом качестве предметом общественного интереса.

Важнее другое: мимо внимания Пушкина едва ли прошло застывание образа Александра I в стилистически унифицированных формах. Скептическое отношение к ним, видимо, имеет смысл включать в ряд параметров, задавших обрисовку императора в поэме. Во всяком случае, такому допущению не противоречит ни восстановленная в «резюмирующем суждении» [Осват: 127] царя живая интонация¹⁷, ни его подчеркнутая растерянность («печален, смутен»), ни резкий субъектный и предикатный сдвиг в строках 206–207 по сравнению с зафиксированными вариантами этой ремарки (фраза «царям не совладеть» предполагает хотя бы умозрительную попытку борьбы со стихией в качестве лица, наделенного властью, — покорность воле Божией борьбу исключает *a priori*).

Отметим также, что в черновиках поэмы лишь однажды возникло сравнение дворца с кораблем («ковчег» [Пушкин 1978: 43]), предпочтение же почти сразу было отдано варианту «остров»¹⁸. Между тем в ри-

торических и изобразительных клише второй половины 1810-х — 1830-х годов всесильный, а ныне беспомощный властелин, в глубокой задумчивости сидящий на мрачном острове, отрезанном от мира, — это низложенный Наполеон¹⁹; говорить же о парности этой фигуры к фигуре Александра I в историко-политической фразеологии эпохи было бы излишне. На фоне возведения колонны в честь побед покойного императора такое имплицитное сопоставление²⁰ отдавало горькой иронией. Склонный к рефлексии государь через одолевающие его думы²¹ оказывался, в числе прочих героев поэмы, подключен к опорным для нее и проникнутым отнюдь не пиетизмом строкам 248–250:

...Иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей?

примечания

- 1 В оригинале: «A 2 h. ½ <...> au milieu d'une calamité épouvantable, et je ne sais pas même si ma lettre pourra partir demain, car nous sommes au Palais d'Hiver comme sur un vaisseau. Dans l'espace d'un peu d'heures, la Néva a passé toutes ses bornes; on ne se doute plus qu'il y ait un quai ou un parapet, et les plus fortes vagues se brisent contre le Palais. <...> nous resterons bloqués et privés de toute communication jusqu'à demain. Le spectacle est affreux par la destruction dont il est l'image; c'est pire que le feu parce qu'on ne peut pas y remédier» [Николай Михайлович: 316]; ср. приведенный фрагмент в переводе С.Н. Исколю: Письма императрицы Елизаветы Алексеевны к матери, маркграфине баденской Амалии (1797–1826) // Звезда. 2001. № 1. С. 79.
- 2 Восход 7 ноября в Петербурге — 9:03. С утра было облачно, «изредка просиявало солнце», и как следует рассвело не ранее десятого часа, когда уже давали себя знать признаки наводнения; к вечеру (заход — 16:26), когда вода уже ошугимо сбывла, прояснилось (метеорологические сведения приведены в газете: Санктпетербургские ведомости. 1824. 11 ноября. № 91).
- 3 В этом перечне следует упомянуть также Марию, Александра и Эрнста Вюртембергских: в двенадцатом часу они приехали к великим княгиням с визитом, который, однако, затянулся. В связи с нехваткой спален их пришлось устроить на ночь в покоях императрицы Елизаветы [Николай Михайлович: 317].
- 4 Личные комнаты Александра I и его жены располагались «в северо-западном углу дворца», причем окна императрицы, как можно понять по сохранившимся планам, были обращены не к Неве, а к Адмиралтейству. Мария Федоровна занимала обширную «группу помещений в юго-восточном ризалите» здания; ее окна выходили на Дворцовую площадь и Зимнюю канавку [Эрмитаж: 93, 96].
- 5 Заметим попутно, что особенную ажитацию (остраивающего свойства) и в Зимнем, где вода дошла «до второго этажа» [Остафьевский архив: 93], и в Аничковом дворцах вызвало их временное превращение в конюшни. «Лошадей <...> пришлось распрячь и ввести в коридоры <...>, иначе все они потонули бы» ([Николай Михайлович: 317]; «следы воды в вестибюле, до 6-й ступеньки, все испорчено <...> весь низ дома был залит водой, мои лошади в комнатах Блока и в коридоре» [Николай 1824: 68 об.]. Ср.: «Во многих домах вторые и третьи этажи представляли конюшни» [Аллер: 4]. О «петербургских наводнениях как историчке городского юмора» см., в частности: [Осват, Тименчик: 7, 20–21]; сошлемся также на одноименный доклад А.Л. Освата на VI Лотмановских чтениях (декабрь 1998 года).
- 6 «L'Empereur a envoyé une grande chaloupe qui est toujours stationnée devant le palais: je mourais de peur qu'un beau mouvement d'humanité ne lui donnât envie de s'y mettre lui-même! Grâce à Dieu, il n'en a rien fait,

- mais, du moment qu'on a vu sa chaloupe, d'autres qui n'osaient pas se hasarder se sont aussi mises au mouvement» [Николай Михайлович: 316]. Имеется в виду вылазка по спасению утопающих, предпринятая дежурившим 7 ноября генерал-адъютантом А.Х. Бенкендорфом на 18-весельном катере Гвардейского экипажа под командой мичмана А.П. Беляева.
- 7 Перевод: «Император до крайности сим удручен, как и следовало думать, и все эти дни провел, подавая помощь всем и везде, где ее можно подать. Но нельзя вернуть жизнь погибшим, и это гнетет более всего».
- 8 Перевод: «Встал в 8 <...> к Ангелу, ждал, принял меня в рубашке, беседовали, весьма угнетен бедствием, кошмарные подробности, 400 человек погибших, ужасные разрушения, вода на площади и в улицах два аршина с половиною, в общей сложности 11 футов над ординаром <...> снова пошел к Ангелу, приказал мне прийти позже <...> снова пошел к Ангелу, ждал, беседовали сидя, вручил письмо короля, дело Вильгельма», etc. Ангел как всегда, пошел к Императрице, больна, кашляет, лихорадка, Елена, весьма округлилась (в преддверии рождения великой княжны Марии Михайловны. — Е.Л.), ушел, у Матушки, пришел Ангел <...> обедал вдвоем с Ангелом, много беседовали». Накануне Елизавета Алексеевна добавила в очередное письмо к матери еще одну деталь, связанную все с тем же чувством бессилия, пережитым обитателями дворца: «Подъем воды произошел с такой невероятной быстротой, что, когда заметили опасность, не было уже ни малейшей возможности прорваться к несчастным ее жертвам» [Николай Михайлович: 318]. Вполне вероятно, что на следующий день эта тема вновь возникла в ее разговоре с beau-frère.
- 9 В переписке с Аракчеевым 1820-х годов император неоднократно прибегал к подобным формулам. Так, 24 июня 1824 года, после смерти Софьи Нарышкиной, он писал: «Не беспокойся обо мне, любезный Алексей Андреевич, воля Божия, и я умею ей покоряться. С терпением переношу я мое сокращение и прошу Бога, чтобы он подкрепил силы мои душевные» [Шильдер: 322]. Ср. его записку к архимандриту Фотию от 3 октября следующего года в связи с отчаянием, которому предавался Аракчеев после гибели Минкиной:

«Христианин обязан с покорностию переносить удары, рукою Господнею ему наносимые. Мы все в воле Его» [Шильдер: 481].

- 10 В том, что письмо со включением «исторического памятника» было послано Дмитриеву через месяц после катастрофы, 8 декабря, трудно не увидеть продуманного тактического хода. Адресат записки с высочайшей сентенцией, получивший тем самым косвенную санкцию на ее распространение, Карамзин, однако, не торопится размножать текст. Лишь найдя, что «скоро перестанут и говорить о бывшем» [Карамзин 1860: 27] (ср.: «разговоры о потопе, две недели занимавшие всех, <...> вследствие обычной суетности человеческой совершенно прекратились» [Батеньков: 186]; письмо к А.А. и А.П. Елагиным от 29 ноября), он сообщает строки императора старинному приятелю — быть может, в том числе и как ответ на московские, порой весьма фантастические, варианты толков («... в Москве пронесся слух, будто вода у нас была равна с вершиною Адмиралтейского шпица» [Мартынов: 158]), в свою очередь дошедшие до Петербурга. Тем самым и событие, и варианты его трактовки переводятся на уровень итоговой рефлексии.
- 11 В официальных источниках эта формула шла в связке с упоминаниями о деятельности императора 7 ноября и в дальнейшем. Ср.: «Великий и милосердый Царь Русский, созерцавший с горестным чувством ужас сего наводнения, явил отечеству попечение и соболезнование об участи пострадавших и сделался их Ангелом-Утешителем! В самое время наводнения Его Величество изволил неутомимо заботиться о спасении погибавших» [Аллер: 31–32].
- 12 «Un rhume général», «mon ennuyeuse toux» [Николай Михайлович: 317]. Ср.: [Карамзин 1866: 385, 388]. Опасения эти были не напрасны. 12 ноября Елизавета сообщила матери: «Со дня наводнения я стала чувствовать себя хуже. Кажется, причиной тому волнение и усталость; может быть, я немного и остыла: в тот день ветер так свирепствовал, что в некоторых комнатах нельзя было затопить печей» [Николай Михайлович: 318].
- 13 Перевод: «Станем же горячо молить Небо о том, князь, чтобы оно более не подвергло высокие добродетели и благоговейное

- самоотречение императора новым испытаниям. Те, что выпали на его долю в течение этого года, были, увы, слышком суровы, и он противопоставил им ту силу души, ту достойную восхищения стойкость, которые могут быть внушены лишь чистой совестью и безусловной покорностью неисповедимой воле Провидения».
- 14 Из особняка Лавалей на Английской набережной и из дома австрийского посольства на Дворцовой, от Зимнего дворца практически равноудаленных и замыкающих его в своеобразную рамку, 7 ноября можно было наблюдать во многом те же картины, что и из царской резиденции.
- 15 Напомним о буре в ночь на 30 августа 1834 года и ее политико-идеологических интерпретациях; см., например [Жуковский: 61].
- 16 Опубликован: Русский инвалид. 1824. 13 ноября. № 269.
- 17 В первой черновой рукописи еще более ярок оттенок досады и уныния: «с божией стихией/ Царям не сладить»; «царю не справ<иться>» [Пушкин 1978: 40].
- 18 С эпитетами «печальный» (удержалось в итоговом тексте), «одичалый», «чу-
- дес<ный>», «волшебный». Ср. впечатления еще одной обитательницы Зимнего, Н.Я. Плюсковой, в передаче Е.А. Карамзиной: «Находясь во дворце, я была окружена водою и не могла не видеть ее» [Карамзин 1866: 387]; курсив мой.
- 19 Чрезвычайно широкое распространение, напомним, имели западноевропейские гравюры (зачастую невысокого, фактически лубочного, качества), на которых бывший император был изображен либо стоящим (со скрещенными на груди руками; одна рука заложена за спину, другая, как на консоли, покоится на невысокой скале; пальцы руки просунуты между пуговиц жилета; с позорной трубой), либо прислонившимся спиной к скале или присевшим на ее выступ; нередко — со склоненной в задумчивости головой.
- 20 Небезынтересно, что Наполеону к моменту прибытия на остров Св. Елены было 46 лет, Александру в ноябре 1824-го — 47.
- 21 Интенсивность процесса отражались в черновиках: «и думал»; «Он сидел / И с скорбной <?> думою глядел / На бедствие»; «На злое бедствие — не даром / Соображал» [Пушкин 1978: 40].

литература

- Аллер / Описание наводнения, бывшего в Санктпетербурге 7 числа Ноября 1824 года / Издал Самуил Аллер. СПб., 1826.
- Батеньков / *Батеньков Г.С.* Сочинения и письма. Иркутск, 1989. Т. 1: Письма (1813–1856).
- Вайнштейн, Павлова / *Вайнштейн А.Л., Павлова В.П.* Декабристы и салон Лаваль // Литературное наследие декабристов. Л., 1975.
- Вацуро / *Вацуро В.Э.* Пушкин и проблемы бытописания в начале 1830-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6.
- Жуковский / *Жуковский В.А.* Проза поэта. М., 2001.
- Карамзин 1860 / Письма Карамзина к А.Ф. Машиновскому и письма Грибоедова к С.Н. Бегичеву. М., 1860.
- Карамзин 1866 / Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866.
- Лебцельтерн / *Николай Михайлович, вел. кн.* Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816–1826 годы. СПб., 1913.
- Мартынов / Письма И.И. Мартынова к П.А. Словцову // Памятники новой русской истории: Сб. исторических статей и материалов. СПб., 1872. Т. II. Отд. 2.
- Николай / *Николай Павлович, вел. кн.* Дневник [копия] // ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. № 48.
- Николай Михайлович / *Николай Михайлович, вел. кн.* Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. СПб., 1909. Т. III.
- Осповат / *Осповат А.Л.* Источниковедческая заметка к «Медному всаднику» // Седьмые Тынниковские чтения: Материалы для обсуждения. Рига; М., 1995–1996.
- Осповат, Тименчик / *Осповат А.Л., Тименчик Р.Д.* «Печальную повесть сохранить...»: Об авторе и читателях «Медного всадника». М., 1987.
- Остафьевский архив / Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1898. Т. III.
- Пушкин 1935 / *Пушкин.* Письма. Л., 1935. Т. III: 1831–1833.

- Пушкин 1978 / *Пушкин А.С.* Медный всадник. Л., 1978.
- Сперанская / *Сперанская Н.М.* Петербургская газета «Le Furet» — «Le Miroir» и русская литература конца 1820-х — начала 1830-х годов. Дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005.
- Тархова / *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина* / Сост. Н.А. Тархова. М., 2005. Т. 5 (справочный).
- Шильдер / *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4.
- Эрмитаж / Эрмитаж: История и архитектура зданий. Л., 1974.
- Wassenaer / *Wassenaer C. de.* A Visit to St. Petersburg, 1824–1825. Wilby, 1996.

и время и место
историко-филологический
сборник
к шестидесятилетию
Александра Львовича
Осповата